

Встречи

Дмитрий СУХАРЕВ: *Моей правде - 200 ч. - 23 мая - с. 3.*

«В крошечке лет от десанта осталось немного»

Владимир ПРИХОДЬКО

Первые книги Дмитрия Антоновича Сухарева (род. 1.11.1930, Ташкент) вышли в хрущевскую оттепель. Самый полный сборник - «При вечернем и утреннем свете» - в 1989 году.

Стихотворения - тонкий слой масла в общественном бутерброде. Более широкая публика знает стихи Сухарева, ставшие песнями: «Вспомните, ребята», «Брич-Мулпа», «Альма-матер» и др. (записаны на дисках «Песни XX века»). Он соавтор знаменитой «Александры, Александры» из оскороносного фильма «Москва слезам не верит», музыка Сергея Никитина; Никитину посвящены его строки: «Ходит слух, что наши дети / Станут взрослыми людьми. / Люди мира на планете, / Музицируйте с детьми!» Этот призыв, пародийный по форме (многочисленные отсылки к «Умным нашим»), не потерял актуальности. И не потеряет.

Особенное достоинство личности, красота доброты и самоиронии, завораживающее влияние - вот черты Сухарева. В подобных случаях, как сказал тургеневский Базаров, употребительнее слово «обаяние».

Его визитная карточка - антивоинственное «Давайте умирать по одному» (1960). И обращение к молодому артефакту: «Не стреляй в меня, бедный студент, / Как пойдет заваруха!» (1978).

Это он написал о советской тоталитарщине: «О моя страна / ... / Страшно человеку под прицелом, / Тяжко под ружьем, / Тягостно и страшно миру в целом / Жить с тобой вдвоем» (1985).

Он назвал родным свой московский двор. И - по-моему, в русской поэзии впервые - тем же словом обозначил наше полушарие: «В северном море, в родном полушарии».

О жене Алле (более сорока лет супружества): «Зачем я тебя и детей так тяжело люблю и жалею?» Кроме взрослых детей (Петр и Анна), у него внуки, кроме внуков, собака (была еще одна, сбита машиной) и две кошки (одна, Каверий, позировала фотоглазу Саши Володина).

Возлюбить детей и кутят - приятно, легко. А вы пробовали возлюбить коллегу - удачливое, нагло и при деньгах? В «кичливом цехе» поэтов Сухарев единственный (!), кто заступился за известнейшего больше-чем-поэта, которого коллеги дружно обрекли на глумливое неприятие (неудобно называть фамилию - точно выносите сор из избы): «Мы все на нем вскормились, лицемеры! / Беспамятовство страшной, чем хвастовство» («Когда его хвостят»).

Сухарев - свежеспеченный лауреат государственной премии им. Окуджавы за 2000 год. Мы знаем друг друга сорок лет и, конечно, на «ты».

- Кажется, Базаров вспомнил не случайно. Есть поэты люмпены, есть разбойники и воры, дух дышит, где хочет. А как сочетаются служение музам и научная работа, ты ведь, Митя, как-никак с 1974 года доктор наук!

- Из всех вопросов, которые мне время от времени задают, этот - самый ходовой. Вместе с тем так и не знаю, как на него ответить.

- Это двойная жизнь?

- Именно двойная. Два независимых круга, которые не соприкасаются.

- Но есть же у тебя стихи: «Вот приехал я в венгерский институт...» Или про штаны, которые снял на болоте и боишься потерять, потому что «на уши вешать лапшу академиком или членкорам лучше в брюках, чем без» и т. д.

- Все это - шуточное. Серьезно о науке пишет, скажем, Кушнер. А я дурачусь. Мне смешно, когда философствуют на научные темы.

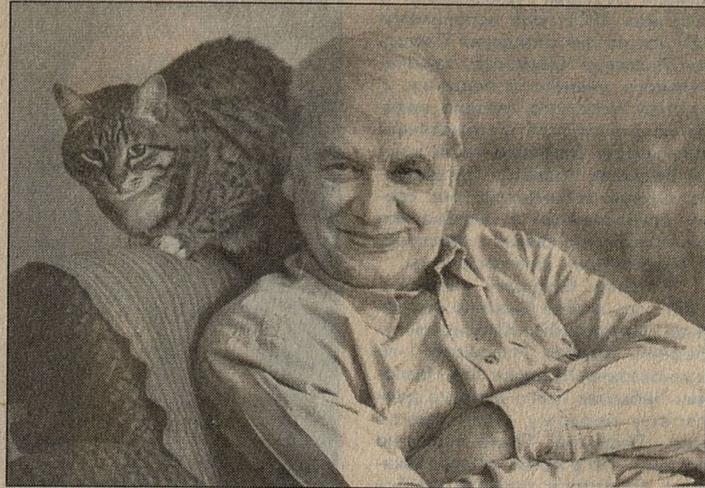
- Дуракавалерия входит в твою поэзию как некий обертон?

- Я надеюсь. Кто пишет стихи, ты по собственному опыту знаешь, не очень хорошо понимает, что творил. Я признаю право читателя все объяснить автору. А наука... У меня есть лаборатория, небольшой коллектив, семь-восемь человек, в основном молодежь. Дозревают до тридцати и сваливают за рубеж, приходят новые.

- Помню, помню: «Я в науке вроде дядьки / Иль, верней сказать, наследки. / У меня чужие детки, / Все равны, как на подбор». И что ты с этой детворой вытворяешь!

- Моя специализация - нервные клетки. Биология, соприкасающаяся с медициной, с фармакологией. Мы пытаемся постичь, как клетки делают поведение. Я, скажем, припалас собаку, она завляла хвостом. Переводим на клеточный язык поведенческие программы.

- Сегодня бурный скачок переживает генетика...

- Генетика не моя специальность, но в нашем институте, кроме физиологических лабораторий, из коих одна моя, есть три генетические. Недавно в ЦДРИ был юбилей журнала «Знание - сила». Я еще в 60-е как биолог писал туда очерки о своей науке. А на юбилее прочитал новые стихи. «Геном человека, или Чехов и Чухонцев»: «Чехов - он у нас из чехов, / А Чухонцев - из чухных. / Этим двум народам честным / Мы по гроб теперь должны. / Эти два народа братских / Нам отдали в муках адских / Генофонд элитный свой. / А себя мозгов лишили. / Так геном опустошили. / Что хоть в НАТО с головой. / Будто так оно и надо, / Загрямят бедняги в НАТО. / Там начальником сидит / Кровавец и бандит. / НАТО бомбами пернато / И Соланю смердит. / Чехов - он у нас попроще, / А Чухонцев посложней. / Чехов - он у нас прозаик, / А Чухонцев - про коней. / Так что если чех с чухною / Вдруг пойдут на нас войною / В силу слабости ума, / Обороной от набега / Будут нам стихи Олега, / Антон Палыча тома». Я о генетике говорю как читатель популярных статей и невольный слушатель докладов на ученом совете - не только же о своем приходится слушать...

- Тебя самого, Митя, какая среда взрастила?

- Я представитель особой популяции: туркестанский русский. Сложилась она после завоевания Средней Азии в 60-х годах XIX века. В Ташкенте есть старый город, где жили узбеки, и новый, где русские, армяне, которые уже были не совсем армяне, евреи - не совсем евреи, обрусевшие украинцы и поляки, все между собой составляли общность.

- Все-таки книг стихов нужны предисловия. Теперь я, читатель, ясней представляю, откуда такое: «Я умел по-узбекски. Я купался в украинской мове. / И на идиш куплетик застрял, как осколок, во мне».

- В этой среде жили несколько поколений моих предков с отцовской стороны. И со стороны матери, Ирины Павловой, актрисы. Восприняли многие обычаи местного населения, к которому относились с громадным уважением. Было чувство вины, потому что само завоевание изобиловало кровью; чувство какого-то долга. Мой отец, экономгеограф, был из тех, кто строил первый в Средней Азии вуз: САГУ. Эшелонами приезжали преподаватели из Москвы, из Питера. Отец был в первом выпуске САГУ, в группе, с которой дружил всю жизнь. Шеф и любимый преподаватель писал стихи, подписывался Джурра, то есть, кажется, жаворонок. Всей группе привил любовь к стихам, все рифмовали. У нас дома была библиотека поэзии, я потихоньку в нее лазил. Отец однажды вытащил томик, прочел два стихотворения. Это был Багрицкий. На меня произвело сильное впечатление.

- Азиатские пейзажи у тебя переслаиваются московскими: «Помню Страстной монастырь, / Кинотеатр «Палас», / Пушкин в ту пору стоял / Всегда не там, где сейчас», «Это мы, это Малая Дмитровка, 3, это я там в народе стою», «Я москвич, обитаю в Москве, / понимаю Москву с полуслова...»

- Мы переехали в Москву в 1932-м. Круг у отца с матерью остался ташкентский. Встречались, пели песни, не советские, а такие, полубардовские, как известная, на слова Светлова: «За зеленым забором ты не можешь заснуть», интеллигентский фольклор.

- В какой ты учился школе?

- В 636-й. Это на задах Ленкома, во дворе. Сейчас она не школа, а медучилище. Когда кончил, абсолютно не знал, куда поступать. Ходил на рисунок в архитектурный. Одноклассник уговорил подавать на химический в университет, у меня была медаль. Пошли, там большая очередь. И я двинул к другому столу, где никого не было: на биофаке.

- Аполлон настиг тебя на биофаке!

- Всерьез я начал писать поздно,

после университета. А на биофаке мы с приятелем Валерием Шатерниковым рифмовали практику по энтомологии. Вспомним «Соловьиный сад» и пишем под Блока о том, как собираем насекомых. Одноклассники ликовали.

- Что ж, поэт формирует пеструю жизнь. У тебя силен мотив своего поколения: «Вот поэты той войны, / Сорок первого сыны: / Пишут внятно и толково. / Вслед за этими и мы, / Опаленные умы: / Дети пятьдесят шестого. / Шестидесятника ты рифмуешь с десантником: «В крошечке лет от десанта осталось немного». Помоему, шестидесятничество было грезой о свободе в России. В 75-м ты написал горькое: «Кажется, некуда деться от дутых имен. / Кажется, нечего делать до лучших времен». Это вроде манифеста не диссидентства, а, так сказать, легального антикоммунизма.

- Я не был очень уж воинствующим «анти». Антифашистом, считаю, быть обязательно. Я всегда был. А чтоб считать коммунистов нашего разлива нелюдями, основной недостаток. Неоднородная масса. Я знаю, как мой отец вступил в партию. 43-й год. Фронт. Отступление. Стать коммунистом - значило взять на себя особые обязательства и тяготы. Если попадешь в плен, расстреляют, а если не коммунист, то еще не известно. И в нашем институте... Мы были на плохом счету у райкома. Беспартийный директор. Считалось, что у нас вольница. Контакты с Западом. Мы заключали договора по общим темам, начальство пробывало заграничные командировки. Я благодаря этому ездил в Венгрию. И прикрывали те, кто был в партбюро. Они просили меня: «Митя, вступай в партию, иначе не можем сделать тебя замдиректора, завлабом-то с большим трудом пробили. Почему ты считаешь, что мы должны за тебя отдуваться?»

- Ты все-таки не вступил!

- Все-таки не вступил. Остался как бы чистильщиком. Но с ощущением неловкости перед ними. Если был в СССР коммунистом, значит сволочь? Это такой перебор у нынешних молодых. Не очень представляют, какая была реальность, Межирова не читают. Ты представляешь, молодые поэты позволяют себе не читать Межирова!

- Скажи, какие времена из пережитых кажутся тебе лучшими?

- Из всех периодов моей жизни наибольшую симпатию и наименьший протест вызывает период Горбачева. Время, когда руководство страны выглядело наиболее порядочным. Конечно, кровь в Тбилиси, Вильнюс, знал - не знал, и все же Горбачеву удавалось балансировать. Если б его Ельцин не скинул с огромными потерями для страны ради личных амбиций, думаю, дальнейший ход истории был бы благоприятней.

- Твои общественные взгляды за 90-е годы изменились?

- Скорей нет, чем да. И все же... Я был поклонником Гайдара, болельщиком демократов первого призыва. Сегодня рассматриваю их как людей, которые нас предали. Они стали подручными крупного капитала. Причем криминального. Отдали ему страну на растерзание. Так я воспринимаю. И получили с этого дивиденды. Деньги, фонды. Поэтому они у меня не вызывают симпатии. Но надо же кого-то любить? Остается ждать, что этот кто-то появится. Последний раз, когда шли выборы и без всяких шансов баллотировался Горбачев, я обреченно голосовал за него, все остальные были для меня непривлекательны. И до сих пор к нему хорошо отношусь. Я с трудом выносил, когда у меня в семье хулили его, и рад, что трагедия, смерть жены, как-то выровняла отношение к нему в обществе.

- Кто-то из поэтов сказал: я жил при восьми режимах и при всех жилось плохо.

- Поэтам по определению не должно быть хорошо. Иначе писать не будут...

Фото Александра ВОЛОДИНА.

187